

Коррупция в местном управлении первой половины XIX в. (на материалах Вологодской губернии)

Аннотация. Предметом исследования является коррупция в местном управлении Российской империи. Автор статьи впервые предпринимает попытку на основе анализа конкретно-исторического материала охарактеризовать уровень коррупции в местных государственных учреждениях первой половины XIX в. Источниковой базой исследования послужили документы, сохранившиеся в Государственном архиве Вологодской области (протоколы и журналы Вологодской палаты уголовного суда за 1802–1855 гг.), которые до сих пор не становились объектом комплексного анализа и вводятся в научный оборот впервые. Выявленные материалы судебно-следственной практики позволили автору статьи установить численность преступлений коррупционной направленности, выявить особенности расследования и судебного разбирательства по ним. В предлагаемом исследовании использовались как общенаучные, так и специальные методы познания. Для достижения поставленной цели применялся инструментальный междисциплинарный подход, позволивший рассматривать коррупцию в историко-правовом контексте. Основной вывод, который сделан по итогам исследования, заключается в том, что условия функционирования местного государственного аппарата в первой половине XIX в. являлись благоприятной средой для нелегального обогащения должностных лиц. Анализ судебно-следственной практики по делам о взятничестве и вымогательстве позволил установить, что действовавшие в изучаемый период нормы права не могли обеспечить искоренение коррупции и снижение её уровня в местном управлении.

Ключевые слова: коррупция, лихоимство, взятка, вымогательство, должностное преступление, наказание, чиновник, государственные органы, местное управление, Вологодская губерния.

Abstract. The object of this research is the question of corruption within the local administration of the Russian Empire. The author for the first time in historiography attempts to demonstrate on the basis of relevant historical materials the level of corruption in local government agencies during the first half of the 19th century. The research source base consists of documents preserved in the State Archive of the Vologda oblast (protocols and registrars of the Vologda Chamber of the Criminal Court for the years 1802–1855), which up to today has not been subjected to a complex analysis nor has yet been introduced into scientific circulation. The identified material from the judicial-investigative practice has allowed the article's author to establish the number of corruption-related crimes and to reveal the particularities of their investigations and judicial trials. In the presented study the author used general scientific, as well as specific methods of research. To achieve the set scientific aim the author applied the means of the interdisciplinary approach that allowed to examine corruption in its historical-judicial context. The article's main conclusion resulting from this research is that the operative conditions of the local administrative apparatus during the first half of the 19th century was a favourable environment for the illegal enrichment of officials. The analysis of the judicial-investigative practice concerning corruption and extortion cases has allowed to establish that the acting legal norms during the studied period could not ensure the eradication of corruption and the lowering of its dissemination within the local administration.

Key words: corruption, usury, bribery, extortion, malfeasance, penalty, official, state authorities, local authorities, Vologda governorate.

Исследователи, область научных интересов которых относится к истории российской государственности, так или иначе обращаются к сюжетам,

связанным с коррупцией во властных институтах. Особое внимание этим вопросам уделяют и ученые, анализирующие состояние государственного аппарата в первой половине XIX в.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-51-00010.

Следует отметить, что в отечественной историографической традиции существует устойчивый стереотип восприятия дореволюционного периода истории России как времени «безудержного взяточничества и казнокрадства» [1, 22], сложившийся под влиянием дошедших до нас воспоминаний современников. Так, «непримиримый враг русского лихоимства» Н. М. Карамзин следующим образом охарактеризовал государственный аппарат империи: «...если бы отвечать одним словом на вопрос: что делается в России, то пришлось бы сказать: крадут» [2, 113]. Многочисленные труды дореволюционных историков, публицистов, писателей и мемуаристов буквально пестрят яркими и красочными сценами взяточничества и казнокрадства [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. При всей значимости этих работ они не позволяют ученому выделить те показатели и параметры, по которым можно оценить состояние законности в деятельности государственных служащих: количество должностных преступлений, численность и состав подсудимых и т. д. В связи с этим актуальным становится поиск документальных свидетельств, позволяющих оценить масштабы изучаемых правонарушений. Некоторые историки пытаются решить эту проблему посредством информации, зафиксированной в статистической отчетности Министерства юстиции [11, 24–42; 12, 429–446]. При этом ученые справедливо делают оговорку, что этим материалам также присущи значительные недостатки [12, 433], связанные с несовершенством форм учета и предоставления данных в отчетах центральным учреждениям (в интересующую нас историческую эпоху формы учета и состав поступавших с мест сведений неоднократно менялись, а в некоторые годы данные в общероссийских масштабах не обобщались) [13, 6–46]. Таким образом, к настоящему времени еще не удалось обнаружить исторические источники, позволяющие охарактеризовать уровень коррупции в государственном аппарате Российской империи рассматриваемого периода, однако имеется возможность осветить данную проблему на региональном материале.

В настоящей статье впервые в качестве исторического источника предлагается использовать обширные комплексы первичной делопроизводственной документации местных судебных учреждений первой половины XIX в., которые до сих пор оставались нетронутой учеными «целиной». Необходимый для исследования конкретно-исторический материал полу-

чен в ходе анализа документов, отложившихся в фондах Государственного архива Вологодской области. Ввиду того что систематизированные данные о преступности обнаружить не удалось, основное внимание было обращено на протоколы и журналы заседаний губернской палаты уголовного суда [14], которой были подсудны «дела уголовные в преступлении должностей, или так называемые дела следственные» [15, 181]. Содержание указанных документов позволило не только установить численность преступлений коррупционной направленности, но и выявить особенности расследования и судебного разбирательства по ним.

Итак, за 1802–1855 гг. Вологодская палата уголовного суда рассмотрела 219 уголовных дел по лихоимству, что составило 16,5% от общего числа должностных преступлений, зарегистрированных в указанный период. Следует пояснить, что в первой половине XIX в. понятие «лихоимство» являлось собирательным юридическим термином, применявшимся в отношении: незаконных поборов под видом государственных податей; вымогательства вещами, деньгами или припасами («высшая степень лихоимства»); взятки с просителей по делам исполнительным и судебным [15, 73].

Законодательство изучаемого периода содер­жало довольно широкий перечень поводов к возбуждению уголовных дел рассматриваемой категории [15, 288]. Архивные материалы свидетельствуют, что более чем в половине случаев отправной точкой для производства следствия по факту лихоимства становилась жалоба частного лица (114 уголовных дел из 219). Из общего числа указанных жалоб на «незаконные поборы» должностных лиц 82% принадлежало государственным крестьянам, 7% – помещичьим. Представители иных сословий и социальных групп жаловались на лихоимство в редких случаях. Анализ судебно-следственных материалов позволяет увидеть причины, побуждавшие частных лиц к доносам. Во-первых, факты взяточничества вскрывались в случае, если чиновниками не была оказана «оплаченная» услуга. В первой половине XIX в. путем подкупа население решало многие задачи, относящиеся как к законным (ускорение процесса течения дел), так и к незаконным действиям должностных лиц (уклонение от несения повинностей – рекрутской, дорожной и т. п., – сокрытие преступлений, противоречащее законам решение гражданских споров и т. д.). Во-вторых, жители губернии доноси-

ли о вымогательстве в случаях, если незаконные поборы чиновников вели к их разорению [16, 85–86]. Значительный урон действия должностных лиц наносили экономическому благополучию государственных крестьян, чьи волостные и сельские общества нередко оказывались не в состоянии выплачивать налоги. Приносить жалобы закон позволял в любой орган управления, но, как правило, частные лица предпочитали обращаться либо к уездным стряпчим и губернскому прокурору, либо непосредственно к губернатору и губернскому правлению. С 1840-х гг., после реформы государственной деревни, крестьяне стали подавать жалобы служащим палаты государственных имуществ и окружным начальникам. Следует отметить, что местные чиновники – особенно те, кто непосредственно участвовал в преступлениях, – неохотно принимали доносы на своих сослуживцев. Выявлены случаи умышленного уничтожения документов с жалобами на взятки [17, 2–17об.; 18, 19–23об.]. Анализ судебно-следственных материалов позволяет увидеть, что потерпевших, готовых пройти все инстанции, чтобы добиться регистрации своей жалобы, в Вологодской губернии находилось немного. Одним из примеров может служить дело, рассмотренное уголовной палатой в 1846 г. Сначала крестьянин обратился в палату государственных имуществ, которая жалобу проигнорировала. Осознав ситуацию, он подал донос губернатору и губернскому прокурору. Но и после этого реакции местных государственных учреждений не последовало. Лишь жалоба, адресованная на имя министра юстиции, заставила провинциальных чиновников обратить внимание на совершенное преступление [19, 907–912]. В целом в изучаемый период внутри губернии отсутствовал правовой механизм обеспечения права подавать жалобы на незаконные действия должностных лиц.

Каждое пятое уголовное дело по лихоимству было возбуждено по результатам ревизий Вологодской губернии, производившихся сенаторами, генерал-губернаторами, специальными уполномоченными чиновниками центральных учреждений. Ревизоры при осмотре территории, помимо основной задачи, обязаны были оценить состояние местного управления, для чего опрашивали население и принимали жалобы, в том числе и словесные [16, 85–87]. В свою очередь, жители губернии, не доверяя местным властям и опасаясь репрессий, воспринимали их едва ли не как спасителей и активно обра-

лись к ним с многочисленными просьбами [20, 1]. Однако объем полномочий ревизоров не был достаточен, чтобы гарантировать потерпевшим справедливый суд, а преступникам – положенное по закону наказание. Усмотрев в действиях должностных лиц злоупотребления и выявив достаточные, по мнению столичных чиновников, доказательства вины, единственное, что они могли сделать, это предписать произвести расследование губернскому начальству, от которого всецело зависело дальнейшее течение и исход дела. Из 42 рассмотренных уголовной палатой дел по лихоимству, начавшихся по инициативе ревизоров, только в трех случаях подсудимых привлекли к строгой ответственности – и то только потому, что они признали свою вину [21, 509–512; 22, 191–205; 23, 1028–1044об.; 24, 1291–1293; 25, 1286–1290об.; 26, 493–495об.; 27, 1451–1455аоб.]. Таким образом, посещения губернии представителями центральной власти не оправдывали надежд населения на беспристрастное рассмотрение их жалоб.

Третьим поводом к началу дела становились предписания начальства, основанные на сведениях, полученных от должностных лиц (36 уголовных дел из 219). Причины и обстоятельства, побуждавшие доносить на сослуживцев, были обусловлены в одних случаях – стремлением чиновников оградить себя от ответственности, в других – внутренними распрями и разногласиями между собой. Так, когда велик был риск обнаружения преступлений, должностные лица (в том числе и виновные в их совершении) в попытках отвести от себя подозрение нередко сообщали начальству о правонарушениях, указывая при этом на предполагаемых виновников. Иными словами, не каждое должностное лицо, принимая участие в незаконных действиях наряду с другими служащими, было готово нести равную с ними ответственность, отодвинув на второй план собственные интересы. Немаловажным фактором, подталкивавшим чиновников к доносам друг на друга, являлось чувство обиды или мести. В целом содержание архивных документов позволяет увидеть, что местное чиновничество первой половины XIX в. хотя и не представляло собой монолитной социальной общности, но от лиц, склонных к написанию «ябеднических прошений», предпочитало избавляться. В частности, губернское правление не поддерживало доносчиков из числа служащих и находило законные предлоги для их увольнения (халатность, медленное исполнение

поручений и т. п.) или перевода на службу в другую губернию.

Четвертым поводом к началу производства по делу становилось обнаружение правонарушений в ходе рассмотрения контролирующими инстанциями отчетной и текущей документации учреждений. Такие случаи не были многочисленными в общей массе выявленных уголовных дел (14 из 219). Очевидно, что нарушения при расследовании преступлений, противоречащие закону судебные решения, принятые к производству подложные документы и подобные незаконные действия совершались чиновниками не бесплатно. Однако свидетельства, прямо или косвенно указывающие на подкуп должностного лица и позволяющие привлечь его к ответственности, в документации не отображались. В такой ситуации решение отдать чиновника под суд по обвинению во взяточничестве всецело зависело от усмотрения губернского начальства, которое инициировало подобные меры лишь в редких случаях.

Анализ судебно-следственных материалов позволяет увидеть и иные особенности, связанные с регистрацией преступлений коррупционной направленности. Так, если для большинства иных должностных правонарушений с момента совершения деяния до регистрации сообщения о нем проходило не более 1 года, то в случае с лихоимством сроки были более продолжительными (от 1 года до 3 лет). Разница в сроках объясняется несколькими факторами. Во-первых, доводить до сведения правоохранительных органов факты взяточничества было невыгодно обеим сторонам, поскольку закон одинаково сурово карал не только получение взятки, но и ее дачу [15, 73–75], в связи с чем и признания в подкупе должностных лиц делались несвоевременно. Во-вторых, обращения с жалобами на вымогательство к местным чиновникам, большинство из которых активно участвовали в незаконных действиях, поступали обычно в тех случаях, когда размеры незаконных поборов превышали все возможные пределы либо когда они приводили к фактической несостоятельности налогоплательщиков. Следовательно, доносы на вымогательство имели вынужденный характер.

После регистрации сообщения о противоправном деянии полицейскими чиновниками производилось предварительное следствие, целью которого являлось подтверждение факта совершения преступления, выявление обстоятельств дела и установление лица, подлежаще-

го привлечению в качестве обвиняемого. Хотя сроки данной стадии не регламентировались, закон исходил из того, что «исследование происшествия» должно проводиться самым скорейшим образом [15, 191–192]. В случае обнаружения правонарушения возбуждалось уголовное дело и назначалось формальное следствие [15, 292], конечной целью которого являлось приведение всех «обстоятельств дела в такую ясность и полноту, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления приговора» [15, 204]. Данный этап включал проведение основной массы следственных действий (допросы обвиняемого и свидетелей, очные ставки, сбор письменных доказательств и т. д.). Согласно закону, формальное следствие должно было длиться не более месяца, однако на практике эта стадия была более продолжительной. Следует отметить, что на протяжении всего досудебного производства губернное правление обладало широкими полномочиями. Оно решало вопрос о возбуждении уголовного дела, определяло следователей и по своему усмотрению могло инициировать прекращение производства.

Судебно-следственные материалы дают возможность охарактеризовать особенности расследования коррупционных преступлений. Во-первых, общий срок досудебного производства по делам о лихоимстве, как правило, длился больше года, в некоторых случаях – достигал 3–4 лет. Причины продолжительных сроков связаны с подходом чиновников к расследованию таких деяний. Ссылаясь на требования законодательства о всестороннем и тщательном исследовании обстоятельств дела, следователи путем множества запросов, уточнений, сбора справок, согласования всех своих действий с губернским начальством намеренно тормозили процесс. Нередко следственные действия производились с нарушениями установленного порядка, что в дальнейшем приводило к назначению повторного расследования. Во-вторых, на практике при расследовании фактов лихоимства применялись однотипные схемы, позволявшие виновным уходить от ответственности. Так, если поводом к возбуждению дела о взяточничестве служил донос, поданный от лица крестьянского общества, то выезд следователя на место и сбор свидетельских показаний, как правило, приходился на сезон полевых работ. В ходе допросов крестьянам объясняли, к чему их приговорит суд, если донос признают лож-

ным, и убеждали отказаться от показаний. Если уговоры не действовали, то в отношении особо упорных крестьян применяли психическое или физическое воздействие (шантаж, запугивание, насилие и т. д.). Фиксируя показания важных свидетелей, их зачастую не приводили к присяге, что служило причиной непринятия судом таких доказательств. Более того, часто опрашивали не всех, кого требовалось (отсутствие же показаний объяснялось упорством крестьян, которые якобы отказывались приходить на допросы). Крайне выгодна для следователей была неграмотность крестьянского населения, позволявшая искажать тексты допросов, помещать в них сведения, не соответствовавшие настоящим показаниям свидетелей и потерпевших. Значительное число нарушений, допускавшихся во время расследований, и разного рода фальсификации приводили к утрате доказательств, искажению свидетельских показаний, что оборачивалось появлением в материалах дел противоречивых свидетельств, ставивших под сомнение правдивость доносов и виновность подсудимых. Естественно предположить, что в своей работе следователи руководствовались интересами обвиняемых и делали это далеко не бескорыстно. Конечно, выявлены и такие случаи, когда подозреваемые отказывались «оплачивать» дорогостоящие услуги полицейских чиновников и на допросах прямо указывали, что с них требовали вознаграждение за содействие к сокрытию преступления [28, 1355–1363].

По завершении расследования и сбора всех необходимых справок и документов дело поступало на рассмотрение Вологодской палаты уголовного суда. Как уже отмечалось, всего за 1802–1855 гг. через данное учреждение прошло 219 уголовных дел по лихоимству. Оценивая такие показатели, нельзя не отметить, что они получились не столь высокими, как можно было того ожидать, т. е. в среднем совершалось порядка 4 преступлений в год. Причины такой статистики следует связывать с высоким уровнем латентности коррупционных преступлений, который поддерживался благодаря сложившимся в изучаемую эпоху особенностям расследования и судебного рассмотрения таких деяний. Все сообщения о должностных правонарушениях поступали в губернское правление, от решения которого зависел дальнейший ход дела. При этом губернское начальство было ответственно за принятие бездоказательных доносов и незаконное судебное преследование должностных лиц, в связи с

чем от лица, подававшего жалобу, требовалось предоставление основательных доказательств, что, как правило, являлось трудноразрешимой задачей. Следует еще раз подчеркнуть, что в первой половине XIX в. население губернии в массе своей не разбиралось в действовавших законах. В то же время служащие государственного аппарата были прекрасно знакомы с правилами оценки доказательств и практикой судопроизводства, благодаря чему имели и весьма четкие представления о том, каким образом можно скрыть свои противоправные деяния. Все это влияло на численность сообщений о лихоимстве, поскольку многие из пострадавших лиц не могли подкрепить свои жалобы приемлемыми для суда доказательствами и предпочитали умалчивать о нарушениях закона. Кроме того, далеко не все сообщения о правонарушениях удостоивались внимания местных учреждений, а принятые к рассмотрению доносы не всегда приводили к возбуждению уголовных дел.

Всего за первую половину XIX в. по обвинению в лихоимстве суду Вологодской уголовной палаты было предано более 930 служащих разных уровней и званий, включая и выборных сословных представителей (точные цифры выявить невозможно, поскольку в некоторых судебных протоколах перечислялись не все подсудимые [29, 60–61об.; 30, 399–417об.; 31, 201–216; 32, 427–432об.; 33, 1469–1491об.]). В ходе исследования установлено, что 84% от общего числа уголовных дел составляют случаи, когда количество обвиняемых не превышало четырех человек. В то же время выявлены примеры, когда показатели численности подсудимых, относящихся к одному делу, были очень внушительными. В целом 60% от общего числа подсудимых выпадает на 10% уголовных дел. Самые массовые привлечения должностных лиц к ответственности происходили после сенаторских ревизий. Так, в 1830-е гг. под судом в качестве обвиняемого побывал каждый третий чиновник и канцелярский служащий губернии, что во многом стало возможным благодаря стараниям ревизоров А. М. Корнилова и В. Ф. Мертенса [16, 91–93].

Содержание судебно-следственных материалов позволяет увидеть состав подсудимых. Около 60% из них были служащими уездных учреждений. Это объясняется исполнением их должностных обязанностей при непосредственном взаимодействии с населением, что создавало возможности для злоупотреблений. В городских органах власти служили только 2% подсудимых.

Очевидно, концентрация жителей на относительно небольших территориях городских поселений сужала простор для коррупционных преступлений. Кроме того, в отличие от уездных чиновников, в основном имевших дело с неграмотным сельским населением, городские власти контактировали с горожанами, многие из которых, по меньшей мере, умели читать и писать и располагали определенными возможностями для защиты своих прав. Почти треть подсудимых занимали должности в крестьянских выборных органах. Столь значительное число связано с тем, что многие жалобы на лихоимство исходили из крестьянских обществ. Инициаторами их подачи выступали выборные лица. При этом основательно доказать виновность чиновников они, как правило, не могли. В такой ситуации суд устанавливал наличие незаконных поборов, но не видел доказательств противоправных действий должностных лиц, на которых указывали крестьяне. Главными виновниками оказывались именно выборные лица, якобы обманывавшие общество, их избравшее, утверждая, что деньги потрачены на «подарки» чиновникам, а на самом деле присваивавшие их себе. Подобное заключение суда было распространенным явлением в первой половине XIX в. Что же касается органов губернского управления, то доля должностных лиц указанных учреждений, несмотря на всю их многочисленность, была совсем небольшой среди подсудимых (около 5%). Вряд ли это говорит о том, что среди данной категории служащих случаи нарушения закона были редки. Скорее это свидетельствует о более профессиональном уровне сокрытия преступных действий, а также боязни населения доносить на чиновников высокого ранга, ведь жаловаться на губернских служащих приходилось бы в губернские же учреждения. Привлечение к суду лиц данной категории инициировалось либо чиновниками из центральных учреждений, побывавших в губернии с ревизией, либо доносами «обиженных» сослуживцев.

В судебно-следственных материалах не проводилась градация по видам лихоимства (незаконные поборы, вымогательство, взятки), в связи с чем и классифицировать дела по данному принципу не представляется возможным. Однако анализ архивных документов позволяет увидеть, какие решения принимал суд. Учитывая особенности судопроизводства изучаемого периода, все выявленные уголовные дела следует разделить по трем типам судебных решений:

1) оправдательный приговор; 2) обвинительный приговор; 3) оставление подсудимого в подозрении разной степени.

Оправдательный приговор по делам о лихоимстве был вынесен в абсолютном большинстве случаев (162 из 219 уголовных дел). Выявленные документы позволяют прийти к выводу, что без собственного признания вины изобличить преступника практически было невозможно и суд к этому не стремился. Главным аргументом оправдательных приговоров являлось отсутствие «совершенных» (неоспоримых) доказательств вины: жалобы пострадавших не принимались в учет по причине их заинтересованности в решении дела; свидетельские показания (как правило, крестьянские) подвергались сомнению при малейшем их несоответствии друг с другом, даже если на получение взятки указывало более сотни человек; приходо-расходные книги городских и крестьянских выборных органов управления не считались документом, подтверждающим передачу взятки. Так, в 1814 г. к сенатору А. З. Хитрово, ревизовавшему Вологодскую губернию, обратились представители многих городских и крестьянских обществ с жалобами на вымогательство должностных лиц, приобретенное систематический характер и приведшее к накоплению значительного количества недоимок. В доказательство своих слов они предоставили приходо-расходную документацию, в которой было зафиксировано, кому, когда и сколько было заплачено, сделано подарков и на какую сумму. К примеру, в расходной книге Глушицкой волости Кадниковского уезда среди издержек в ходе рекрутского набора 1813 г. значилось: «...исправнику в почтение дано 50 руб.; заседателю Левину – 5 руб.; для исправника и заседателя брато вина на 4 руб.; губернатору – 100 руб.; его дворецкому – 24 руб.; губернаторской сестре рыбы и сахару на 20 руб.; для людей ее вина на 80 коп.; при платеже денег снесено секретарю штоф водки на 3 руб. 50 коп.; исправнику – то же на 3 руб. 50 коп.; при взносе недоимки исправнику – то же на 3 руб. 50 коп.; в проезд исправника брато для него вина на 1 руб. 50 коп.; в бытность исправника в вотчине брато вина на 1 руб. 50 коп., водки на 1 руб. 60 коп.; при получении указа в Кадникове дано 10 руб., секретарю 10 руб., на повые в земский суд 10 руб.; на повые земского суда – 42 руб.; секретарю Ивану Платоновичу – 12 руб.; секретарю Якову Флоренскому – 10 руб.; губернаторскому дворецкому – 16 руб.; ему же – 50 руб.; губернатору – 200 руб.;

дворецкому и людям госпожи Барша (жена губернатора. – *О. П.*) – 5 руб.; самой ей снесена голова сахару на 20 руб.» и т. д. [34, 75–76об.]. Общая сумма, затраченная на подарки должностным лицам и их родственникам, только по анализируемому документу составила более 1200 руб., из них на губернатора с его дворецким потрачено более 600 руб., на жену губернатора – 40 руб., на его сестру – 100 руб., на вице-губернатора и его дворецкого около 200 руб. Ввиду того что в данном случае речь идет лишь об одном сезонном мероприятии (рекрутский набор), сложно представить, каковы были общие ежегодные затраты населения на чиновничий аппарат. Собранные А. З. Хитрово документы были направлены в губернское правление с требованием незамедлительно назначить расследование. Всего по результатам сенаторской ревизии 1814 г. было возбуждено 25 уголовных дел по обвинению в лихоимстве с общей численностью подсудимых 116 человек, из которых только один был признан виновным, поскольку «учинил чистосердечное признание», а остальные были оправданы. Приходо-расходные книги крестьянских и городских обществ были признаны недостаточными для доказательства вины. Красноречивое заключение по поводу доказательственной силы этих документов позволил себе поместить в материалы дела следователь М. С. Плешанов, указав, что «слабоумные крестьяне, не имея ясного доказательства, думают уверить тою ничего не значащей бумагой, а ничем другим, что они в доносе своем справедливы» [35, 20об.–21]. Учитывая, что все приговоры по уголовным делам, начатым по результатам сенаторских ревизий, в обязательном порядке поступали на утверждение в Сенат, который их не оспаривал и считал законными, то логично напрашивается вывод об отсутствии мер со стороны государства, направленных на противодействие коррупции. Иными словами, с лихоимством в изучаемый период не боролись. Даже повторное нахождение служащего под судом по обвинению во взятках не влекло негативных последствий. Суд, прикрывая свои действия гуманистическими идеями («лучше десять виновных освободить, чем одного невинного к смерти приговорить»), либо оправдывал, либо оставлял таких лиц в подозрении, а Сенат, давая силу подобным приговорам, позволял местным чиновникам уверовать в свою безнаказанность.

Обвинительный приговор был вынесен только в каждом одиннадцатом случае (19 из 219 уголовных дел). Конечно, данные показате-

ли идут вразрез с устоявшимся представлением о повсеместном распространении взяточничества в местном управлении. Однако они вполне объяснимы и напрямую связаны с описанными выше «традициями» проведения следственных действий и правилами оценки доказательств. Всего за 1802–1855 гг. была доказана виновность в лихоимстве или причастности к нему только 30 подсудимых. Назначение наказания, его вид и размер зависели от усмотрения суда, которое находилось под влиянием многих факторов: сословное происхождение, занимаемая должность, возраст, психическое состояние, коррупция, межличностные отношения и т. д. Кроме того, из материалов уголовных дел видно, что суд произвольно решал, заслуживает ли «уважения» оправдание подсудимого и следует ли учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства, определял, какие доказательства можно допустить и какие исключить, а также устанавливал их доказательственную силу и т. п. За коррупционные преступления закон предписывал назначать суровые наказания (лишение всех прав состояния и отдача в солдаты, или ссылка в Сибирь, или оправка на каторжные работы) [15, 74–75]. В реальности же подобные приговоры получили только единицы. Так, из всех уголовных дел в семи случаях подсудимые (выборные крестьяне) сознались в незаконном сборе денег с крестьян для дачи взятки и были исключены из службы и приговорены, в зависимости от обстоятельств дела, к разным наказаниям: тюремное заключение (от 2 мес. до 1 года), ссылка в арстантские роты гражданского ведомства, ссылка в Сибирь на поселение, каторжные работы [36, 824–828; 37, 184–186об.; 38, 246–257об.; 39, 423–426об.; 40, 432–433об.; 41, 1296–1302об.; 42, 524–532]. По двум делам подсудимые (сельские писари выборных крестьянских органов) признались в принятии денежного вознаграждения за свой труд и были приговорены ко взысканию суммы вдвое больше полученной [43, 182–188об.; 44, 977–985]. В двух случаях устанавливалась дача взятки: в первом – уездный чиновник сознался, что давал взятки другим должностным лицам для сокрытия своих служебных преступлений, и был приговорен к отдаче в солдаты (в случае негодности к ссылке в Сибирь на поселение) [28, 1355–1363]; во втором – выборные крестьяне указали, что совершили преступление под страхом притеснения, и в наказание были исключены из службы [45, 205–207об.]. Еще по двум делам выборных крестьян, не сумевших

доказать передачу взятки, признали утаившими деньги и приговорили к телесным наказаниям, положенным за кражу [46, 1342–1343; 47, 1247–1252об.]. Только в шести случаях было установлено получение взяток и вымогательство. Среди подсудимых не признался только один выборный крестьянин, но суд посчитал его виновным, поскольку он изобличался еще в «богохулении и порицании веры, произношении дерзких слов против императорского величества» и превышении власти. Видимо, столь серьезный набор правонарушений и сословное происхождение убедили суд в необходимости его осуждения и дали повод назначить самое строгое наказание из всех выявленных приговоров: «35 ударов кнутом через палача публично и, поставя на лбу и щеках указные знаки, сослать в Сибирь в каторжную работу» [48, 206–208об.]. Остальные подсудимые (губернские и уездные чиновники и канцелярские служители) были приговорены либо к каторжным работам в Нерчинске [49, 509–512; 50, 927–939об.; 51, 1286–1290об.], либо к ссылке в Сибирь на поселение [52, 1028–1044об.; 53, 1278–1302об.].

Интересной разновидностью судебных приговоров первой половины XIX в. являлось оставление обвиняемого в подозрении разной степени («в подозрении» и «в сильном подозрении»). Такое решение выносилось в случае, когда подсудимый не признавался в содеянном, но против него имелось значительное количество «несовершенных» доказательств, которые, с одной стороны, не позволяли полностью оправдать лицо, а с другой – не признавались основанием для обвинения. Иными словами, это было среднее состояние между оправданием и обвинением. В 38 из 219 уголовных дел по лихоимству подсудимые были оставлены в подозрении (44 человека в подозрении, 49 – в сильном подозрении). Только в исключительных случаях такой приговор влек за собой неблагоприятные последствия для обвиняемых (как правило, признание неблагонадежными и увольнение). В целом оставление в подозрении можно относить к разновидности оправдательного приговора, не исключающей наступления дисциплинарной ответственности.

Сроки судебного разбирательства по делам о лихоимстве были весьма продолжительными: около трети уловных дел рассматривалось судами более 2 лет, и только каждое пятое удавалось завершить в течение одного года. Чем дольше велось производство по делу, тем боль-

ше было шансов уйти от ответственности, поэтому дела умышленно затягивались и судебными органами, и самими подсудимыми. Установленные законом правила создавали для этого благоприятную среду. Подсудимым гарантировалось право использовать все возможные способы к своему оправданию, чем они злоупотребляли. На допросах у следователя можно было о чем-то умолчать, но «вспомнить» об этом, когда дело поступало в суд, и тогда, на основании вновь открывшихся обстоятельств, уголовная палата была обязана назначить дополнительное расследование. Часто отстраненный от должности, но не взятый под арест подсудимый находил возможности перейти на службу в другую губернию и под разными предлогами уклонялся от приезда в Вологду для дачи показаний суду. Кроме того, если следствие было проведено неосновательно, то суд был обязан «привести в полную ясность» все обстоятельства дела и в случае сомнений назначить «дополнительное изыскание», собрать все недостающие сведения и справки [15, 298–301]. Так, 27 февраля 1821 г. генерал-губернатор А. Ф. Клокачев предписал уголовной палате решить дело о взятках чиновников Яренского уезда, «оставя излишние по сему делу справки и запросы» [54, 261–289об.]. Производство началось еще в 1814 г., но на протяжении 7 лет никаких подвижек по нему почти не наблюдалось, и, как оказалось, оставалось невыясненным еще множество вопросов. Даже личный контроль генерал-губернатора не гарантировал скорейшего вынесения приговора – окончательно дело было решено лишь в марте 1822 г.

Подытоживая проведенный анализ, следует указать, что численность возбужденных уголовных дел по факту лихоимства не соответствовала количеству реально совершенных в изучаемый период преступлений коррупционной направленности. Высокий уровень латентности поддерживался условиями функционирования местного государственного аппарата в первой половине XIX в. Ни государство, ни общество, ни сами местные чиновники не боролись с проявлениями коррупции. Изученные судебные материалы хотя и не могут дать достоверных цифр для анализа масштабов распространения лихоимства, но позволяют увидеть нацеленность и досудебного, и судебного производства на предоставление широких возможностей подсудимым уходить от положенной по закону ответственности.

Библиография:

1. Морякова О. В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1993. № 6. С. 11–23.
2. Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского: [В 12 т.] Т. VIII. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1883. 524 с.
3. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа. Т. 1 / Под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М.: Объединение, 1915. С. 205–241.
4. Глориантов В. И. Потомственные дворяне канцелярского происхождения // Русский архив. 1905. Кн. 1. Вып. 4. С. 662–674.
5. Гоголь Н. В. Мертвые души. Ревизор. Повести. М.: Рипол Классик, 2007. 510 с.
6. Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. Т. 97. Вып. 1. С. 3–38; Вып. 2. С. 241–264; Вып. 3. С. 539–569.
7. Казначеев А. Г. Между строками одного формулярного списка. 1823–1881 гг. // Русская старина. 1881. Т. 32. Вып. 12. С. 817–880.
8. Карнович Е. П. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1897. 129 с.
9. Катаев И. М. Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе. СПб.: Типолитография «Энергия», 1914. 180 с.
10. Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека (воспоминания) // Русская старина. 1897. Т. 91. Вып. 9. С. 633–658.
11. Миронов Б. Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. 1998. № 1. С. 24–42.
12. Любичанковский С. В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Самара: Северо-Западная академия государственной службы, 2008. 869 с.
13. Остроумов С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России. М.: Профиздат, 1961. 303 с.
14. Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Оп. 3. Д. 1, 2, 25–27.
15. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [В 15 т.]. [Т. 15]: Свод законов уголовных. СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1842. [4], 383, 12, 41, 40 [2], IV с.
16. Плех О. А. Сенаторские ревизии в северных губерниях России в первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2012. № 11. С. 82–96.
17. Рапорт министру юстиции Лобанову-Ростовскому от губернского прокурора «Об обозрении генерал-губернатором Ключевым Вологодской губернии». 20 августа 1820 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 516.
18. Рапорт министру юстиции Лобанову-Ростовскому от губернского прокурора «Об обозрении генерал-губернатором Вологодской губернии». 21 октября 1820 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 516.
19. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1846 г. 30 июля 1846 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 213.
20. Предложение тайного советника сенатора Хитрово Вологодскому губернскому правлению об увольнении никольского исправника Красильникова, губернского секретаря Семенова и секретаря земского суда Швецова и ссылке сельского заседателя Сорокина в Нерчинск на каторжные работы за взяточничество и хищение мирских денег. 1 марта 1814 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 424.
21. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1818 г. 17 марта 1818 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 71.
22. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1822 г. 13 февраля 1822 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 92.
23. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1822 г. 4 декабря 1822 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 116.
24. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1831 г. 31 декабря 1831 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 130.
25. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1832 г. 7 ноября 1832 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 134.
26. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1833 г. 12 мая 1833 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 138.
27. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1848 г. 14 декабря 1848 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 242.
28. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1820 г. 18 декабря 1820 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 82.
29. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1814 г. 19 января 1814 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 59.
30. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1835 г. 5 августа 1835 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 146.
31. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1837 г. 7 мая 1837 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 154.

32. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1839 г. 17 октября 1839 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 160.
33. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1846 г. 24 декабря 1846 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 213.
34. Выписка из расходной книги Глушицкой волости головы Алексеева и выборного Петрова, учиненная 5 февраля 1813 г., об издержках при отдаче в Вологде рекрут. 5 февраля 1813 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 32.
35. Рапорт тотемского уездного судьи Вологодскому губернскому правлению об исполнении поручения по исследованию разных волостных правлений. 15 августа 1814 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 424.
36. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1829 г. 20 сентября 1829 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 119.
37. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1845 г. 22 февраля 1845 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 199.
38. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1845 г. 19 марта 1845 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 199.
39. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1847 г. 24 апреля 1847 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 227.
40. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1849 г. 9 июня 1849 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 256.
41. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1853 г. 23 марта 1853 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 301.
42. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1853 г. 13 апреля 1853 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 302.
43. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1853 г. 11 июня 1853 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 303.
44. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1853 г. 24 ноября 1853 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 306.
45. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1844 г. 3 марта 1844 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 186.
46. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1844 г. 14 декабря 1844 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 186.
47. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1853 г. 27 ноября 1853 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 306.
48. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1843 г. 19 апреля 1843 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 172.
49. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1818 г. 20 марта 1818 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 71.
50. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1819 г. 8 декабря 1819 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 79.
51. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1832 г. 7 ноября 1832 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 134.
52. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1828 г. 4 декабря 1828 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 116.
53. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1834 г. 7 декабря 1834 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 142.
54. Протоколы Вологодской палаты уголовного суда за 1822 г. 16 марта 1822 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 177. Оп. 1. Д. 92.

References (transliterated):

1. Moryakova O. V. Provintsial'noe chinovnichestvo v Rossii vtoroi chetverti XIX veka: sotsial'nyi portret, byt i navy // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 1993. № 6. S. 11–23.
2. Vyazemskii P. A. Staraya zapisnaya knizhka // Polnoe sobranie sochinenii knyazya P. A. Vyazemskogo: [V 12 t.] T. VIII. SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1883. 524 s.
3. Bochkarev V. Doreformennyi sud // Sudebnaya reforma. T. 1 / Pod red. N. V. Davydova, H. H. Polyanskogo. M.: Ob"edinenie, 1915. S. 205–241.
4. Gloriantov V. I. Potomstvennye dvoryane kantselyarskogo proiskhozhdeniya // Russkii arkhiv. 1905. Kn. 1. Vyp. 4. S. 662–674.
5. Gogol' N. V. Mertvye dushi. Revizor. Povesti. M.: Ripol Klassik, 2007. 510 s.
6. Dubrovin N. F. Russkaya zhizn' v nachale XIX veka // Russkaya starina. 1899. T. 97. Vyp. 1. S. 3–38; Vyp. 2. S. 241–264; Vyp. 3. S. 539–569.
7. Kaznacheev A. G. Mezhdru strokami odnogo formul'yarnogo spiska. 1823–1881 gg. // Russkaya starina. 1881. T. 32. Vyp. 12. S. 817–880.
8. Karnovich E. P. Russkie chinovniki v byloe i nastoyashchee vremya. SPb.: Tipografiya P. P. Soikina, 1897. 129 s.
9. Kataev I. M. Doreformennaya byurokratiya po zapiskam, memuarom i literature. SPb.: Tipolitografiya «Energiya», 1914. 180 s.

10. Luchinskii F. Ya. Provintsial'nye nrvy za poslednie polveka (vospominaniya) // Russkaya starina. 1897. T. 91. Vyp. 9. S. 633–658.
11. Mironov B. N. Prestupnost' v Rossii v XIX – nachale XX veka // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 1. S. 24–42.
12. Lyubichankovskii S. V. Gubernskaya administratsiya i problema krizisa vlasti v pozdneimperijskoi Rossii (na materialakh Urala, 1892–1914 gg.). Dis. ... d-ra ist. nauk. Samara: Severo-Zapadnaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby, 2008. 869 s.
13. Ostroumov S. S. Ocherki po istorii ugovolnoi statistiki dorevoljutsionnoi Rossii. M.: Profizdat, 1961. 303 s.
14. Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 1, 5, 8, 9, 15–17, 19, 20, 25–27, 31, 32, 36, 37, 39–41, 44, 45, 48, 49, 53, 55, 56, 58, 59, 62, 64, 65, 69, 71, 73, 74, 79, 82, 83, 86, 88, 92, 95, 96, 98–100, 102, 103, 105, 107, 109, 111, 113, 116, 117, 119, 120, 123–126, 128–130, 132–134, 136–138, 140–142, 146, 148, 150, 152, 154, 157, 160, 163, 166, 169, 172, 186, 199, 213, 227, 242, 256, 258, 271, 284, 285, 301–306, 321–325, 338–342; Op. 3. D. 1, 2, 25–27.
15. Svod zakonov Rossijskoi imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennii. [V 15 t.]. [T. 15]: Svod zakonov ugovolnykh. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1842. [4], 383, 12, 41, 40 [2], IV c.
16. Plekh O. A. Senatorskie revizii v severnykh guberniyakh Rossii v pervoi polovine XIX v. // Voprosy istorii. 2012. № 11. S. 82–96.
17. Raport ministru yustitsii Lobanovu-Rostovskomu ot gubernskogo prokurora «Ob obozrenii general-gubernatorom Klokachevym Vologodskoi gubernii». 20 avgusta 1820 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 14. Op. 1. D. 516.
18. Raport ministru yustitsii Lobanovu-Rostovskomu ot gubernskogo prokurora «Ob obozrenii general-gubernatorom Vologodskoi gubernii». 21 oktyabrya 1820 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 14. Op. 1. D. 516.
19. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1846 g. 30 iyulya 1846 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 213.
20. Predlozhenie tainogo sovetnika senatora Khitrovo Vologodskomu gubernskomu pravleniyu ob uvol'nenii nikol'skogo ispravnika Krasil'nikova, gubernskogo sekretarya Semenova i sekretarya zemskogo suda Shvetsova i ssylke sel'skogo zasedatelya Sorokina v Nerchinsk na katorzhnye raboty za vzyatochnichestvo i khishchenie mirskikh deneg. 1 marta 1814 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 14. Op. 1. D. 424.
21. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1818 g. 17 marta 1818 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 71.
22. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1822 g. 13 fevralya 1822 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 92.
23. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1822 g. 4 dekabrya 1828 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 116.
24. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1831 g. 31 dekabrya 1831 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 130.
25. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1832 g. 7 noyabrya 1832 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 134.
26. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1833 g. 12 maya 1833 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 138.
27. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1848 g. 14 dekabrya 1848 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 242.
28. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1820 g. 18 dekabrya 1820 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 82.
29. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1814 g. 19 yanvarya 1814 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 59.
30. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1835 g. 5 avgusta 1835 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 146.
31. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1837 g. 7 maya 1837 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 154.
32. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1839 g. 17 oktyabrya 1839 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 160.
33. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1846 g. 24 dekabrya 1846 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 213.
34. Vypiska iz raskhodnoi knigi Glushitskoi volosti golovy Alekseeva i vybornogo Petrova, uchinennaya 5 fevralya 1813 g., ob izderzhkakh pri otdache v Vologde rekrut. 5 fevralya 1813 g. // Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv. F. 1286. Op. 2. D. 32.
35. Raport totemskogo uezdnoho sud'i Vologodskomu gubernskomu pravleniyu ob ispolnenii porucheniya po issledovaniyu raznykh volostnykh pravlenii. 15 avgusta 1814 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 14. Op. 1. D. 424.
36. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1829 g. 20 sentyabrya 1829 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 119.
37. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1845 g. 22 fevralya 1845 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 199.
38. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1845 g. 19 marta 1845 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 199.
39. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1847 g. 24 aprelya 1847 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 227.
40. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1849 g. 9 iyunya 1849 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 256.
41. Protokoly Vologodskoi palaty ugovolnogo suda za 1853 g. 23 marta 1853 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 301.

42. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1853 g. 13 aprelya 1853 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 302.
43. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1853 g. 11 iyunya 1853 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 303.
44. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1853 g. 24 noyabrya 1853 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 306.
45. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1844 g. 3 marta 1844 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 186.
46. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1844 g. 14 dekabrya 1844 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 186.
47. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1853 g. 27 noyabrya 1853 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 306.
48. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1843 g. 19 aprelya 1843 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 172.
49. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1818 g. 20 marta 1818 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 71.
50. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1819 g. 8 dekabrya 1819 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 79.
51. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1832 g. 7 noyabrya 1832 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 134.
52. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1828 g. 4 dekabrya 1828 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 116.
53. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1834 g. 7 dekabrya 1834 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 142.
54. Protokoly Vologodskoi palaty ugovnogo suda za 1822 g. 16 marta 1822 g. // Gosudarstvennyi arkhiv Vologodskoi oblasti. F. 177. Op. 1. D. 92.